

"Соловки — жемчужина Белого моря"

Именно так называлась экскурсионная поездка в Архангельск и на Соловецкие острова, которая предлагалась одесситам летом 1980 года. В те времена в моде были поездки на Север: Кижы, Валаам, Соловки — манили начитанных советских людей своими загадками. Что-то мы читали о старинном монастыре на Соловецких островах, превращенном в начале 1920-х годов в Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН, а в 1937 году — в тюрьму с говорящим названием СТОН.

Туристов размещали в бывших монашеских кельях, кормили в трапезной, где после изгнания монахов питались заключенные и охрана, а главное — на территории бывшего монастыря в те времена можно было лазать везде и всюду круглые сутки, чему способствовали незабываемые заполярные белые ночи. Экскурсоводы, как и мы, почитывали Солженицына в самиздате ("Архипелаг ГУЛАГ" тогда был издан только за рубежом), рассказывали много интересного об истории этого уникального острова. Верхушку монастырской колокольни вместо креста венчала красная звезда, водруженная с огромным риском для жизни каким-то отчаянным заключенным, которому обещана была свобода.

Известно, что пока на Соловках функционировал монастырь, монахи полностью обеспечивали себя сами всем необходимым. При монастыре работала даже типография. Издавна в царские времена сюда ссылали неугодных власти людей, и молодая советская власть, закрыв монастырь и выгнав монахов, решила развить традицию и перевоспитывать в этом месте тех, кто был недоволен советской властью.

Образованные заключенные, которых было большинство в 1920-х и 1930-х годах, создали театр, выпускали еженедельную газету "Новые Соловки", литературно-художественный журнал "Соловецкие острова", издавали открытки. Руководило всеми этими работами Бюро печати СЛОН.

Сохранившаяся в библиотеках и архивах периодика Соловецкого лагеря красноречиво свидетельствует о жизни тех, кто не по своей воле подчас совершенно незаслуженно оказался в этом суровом, но загадочно прекрасном заполярном краю.

Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим, приезжайте сюда сами,
Посидите здесь годочков три иль пять —
Будете с восторгом вспоминать.

О. Браз. Соловки. Преображенский собор

О. Браз. Кремль с западной стороны

И. Недриг. Белая башня и пристенок

ках замечательный художник, портретист и пейзажист, одессит, выпускник Одесской рисовальной школы по классу К. Костанди и Петербургской академии художеств по классу И.Е. Репина, Осип (Иосиф) Эммануилович Браз (1873-1936). Перед арестом художник трудился хранителем

Эти полные горькой иронии строки из стихотворения заключенного Бориса Емельянова написаны в конце 1920-х годов. Сейчас опубликовано много стихов, написанных на Соловках, существовал даже Соловецкий гимн, исполнявшийся заключенными перед проверяющим начальством.

Особое место среди документальных свидетельств существования СЛОНа занимают почтовые карточки — открытые письма, печатавшиеся в бывшей монастырской типографии, работавшей на Соловках до 1930 года.

Заключенные охотно приобретали их и отправляли своим родным во все концы Советской страны.

Сюжеты открыток разрабатывались самими заключенными: художники рисовали виды Соловков, фотографы делали пейзажные и даже репортажные снимки.

Больше двух лет, с 1924 по 1926 год, провел в исправительной ссылке на Соловках

Эрмитажа и много сделал для сохранения и реставрации картин старых мастеров из музейной коллекции. Благодаря заступничеству художественной общественности удалось добиться освобождения заключенного. В 1920-х годах, в самом начале террора, такие чудесные избавления иногда случались. Освободившись, О.Э. Браз вскоре уехал за границу.

Находясь на Соловках, Осип Эммануилович много рисовал могучие церковные строения бывшего монастыря. На открытки попали автолитографии нескольких видов Преображенского и Успенского соборов, запечатленных художником в разное время года. Бюро печати УСЛОН отпечатало открытки в 1926 году в бывшей монастырской типографии на желтоватой бумаге тиражом 1000 экземпляров. Позднее эти открытки переиздавались в других соловковских сериях на более плотной бумаге.

Восемь гравюр по дереву с видами башен и церквей старинного Соловецкого монастыря, названного при советской власти кремлем, были выполнены еще одним художником-заключенным, выходцем из Латвии Иваном Петровичем Недритом (1887-1938). Известно, что И. Недрит заведовал цинкографией в Риге, принимал участие в художественной выставке в 1919 году. После первой соловецкой отсидки он был арестован вторично в зловещем 1937 году,

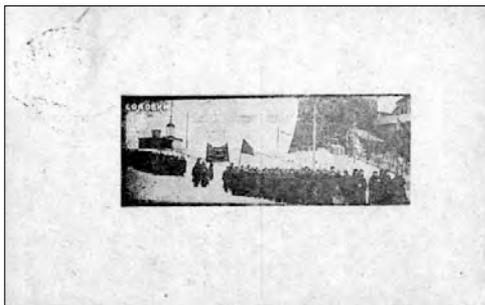
И. Недрит. В Кремле

И. Недрит. Уголок в Кремле

И. Недрит. Вид на Кремль с севера

Демонстрация заключенных 7 ноября 1925 г.

Демонстрация заключенных 7 ноября 1925 г. Реверс

Большая серия пейзажных фотографий с красотами монастыря, снятых с разных сторон, объединена словом "Соловки", нанесенным на изображения и попавшим на открытки.

Особо выделялись сюжетом и оформлением две фотооткрытки на тонкой бумаге с надписью "Соловки". На одной из них большая группа лю-

расстрелян в 1938 году, реабилитирован в 1989.

Все колоритные гравюры латышского художника стали впечатляющими сюжетами соловецких открытых писем, отпечатанных на плотной бумаге и обрамленные черной рамкой. Авторство И. Недрита подтвердилось слитыми вместе буквами "И" и "Н", заметными на каждой открытке.

Мощная, по-северному строгая красота древних башен и церквей соловецкого ансамбля в работах Недрита сочеталась с неповторимой окружающей природой. Вид старинных башен ночью и днем на фоне грозного неба передавали печаль заключенного-художника.

Значительно разнообразили видовые сюжеты на открытках фотографии, выполненные в большинстве своем, по-видимому, штатным фотографом УСЛОН Эрлихом. Скорее всего, он также был заключенным, однако достоверно это неизвестно.

дей с флагом и транспарантом — фотограф запечатлел демонстрацию заключенных 7 ноября 1925 года. Это единственное изображение обитателей Соловецких островов на открытках.

Среди большого разнообразия монастырских видов люди не видны вообще нигде. Уникальная фотография отпечатана в малом формате и по каким-то дизайнерским замыслам заняла лишь центральную часть открытки, снимок окружает широкое белое поле.

Похожа по дизайну еще одна открытка с надпечаткой "Соловки", на которой снят пароход "Глеб Бокий" во льдах в декабре 1925 года. Крепкие северные льды, появившиеся у берега уже в октябре, прекращали навигацию в Белом море на несколько зимних месяцев.

...А зимой стерегут от беды

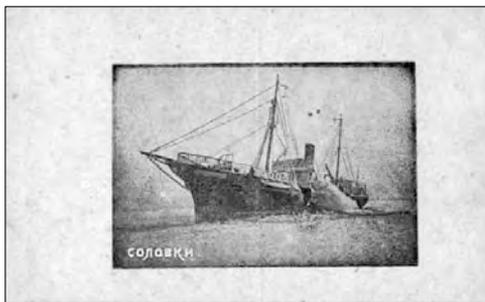
Целых полгода крепкие льды.

По крепкому зимнему льду заключенные с конвоем двигались пешком, да еще тащили за собой лодки, чтобы переправляться через возникающие полыньи. А расстояние от Кеми на материке до Соловков составляло 60 километров!

Пароходик "Соловецкий", исправно возивший до революции в летние месяцы паломников с материкового города Кемь на Соловки и обратно, получив имя одного из создателей ГУЛАГа Глеба Бокия, продолжал курсировать по тому же маршруту, но с заключенными и их охраной. Будущий академик Д.С. Лихачев в воспоминаниях о соловецком заключении назвал Г. Бокия людоедом, принимавшим в "тройке" решение о расстрелах.

Но вернемся к соловецким открыткам, которых всего было выпущено четыре издания. Открытки продавались на Соловках и на материке, в Кемском пересыльном пункте (Кемперпункте), охотно раскупались заключенными для отправки родственникам и друзьям.

После 1930 года типография на Соловках, печатавшая открытки, газеты и журналы, была разобрана и переведена на материк, выпуск открыток был прекращен и никогда не возобновлялся, запасы их постепенно иссякли. Теперь соловецкие открытки 1920-х годов стали огромной филокарти-

"Глеб Бокий" во льдах. Декабрь 1925 г.

ческой и человеческой редкостью: их можно обнаружить только у получателей, членов семей и друзей заключенных, сохранивших почтовые карточки как память о любимых.

Из 23 соловецких коллекционных открыток 16 "прошли почту", как говорят филокартисты. Все они были отправлены заключенным 1 отделения 10 роты Соловецкого лагеря Спиридоном Иустиновичем Калиным в Одессу родным. 14 открыток адресованы дочери — подростку Ольге Спиридоновне Калиной, проживавшей вместе с матерью — женой Спиридона Иустиновича Марией Мефодиевной Калиной, и многочисленной родней с ее стороны на улице Мечникова, 72, квартира 2. Когда жена с дочерью гостили в деревне, соловецкий узник адресовал открытку в ту же квартиру племяннице жены Аннушке — Анне Антоновне Бродовской.

Обвинение, которое было предъявлено Калину, стало нам известно благодаря помощи замечательной женщины, одесситки в нескольких поколениях, истинной подвижнице в деле восстановления исторической правды о массовых репрессиях, совершавшихся в СССР, и увековечивания памяти о жертвах советского тоталитаризма, доцента-филолога Одесского национального университета им. И.И. Мечникова Лидии Всеволодовне Ковальчук.

Из копии материалов дела 28583 архива УСБУ в Одесской области стало известно, что Спиридон Калин родился в 1881 (или 1883) году в Кишиневе, до ареста работал счетоводом на одесской телефонной станции. По постановлению Коллегии ОГПУ, он был арестован 11.05.1928 года и обвинен по статье 58-6 УК РСФСР 1927-60 годов (шпионаж). 31.08.1928 года Калину был вынесен приговор, предусматривавший лишение свободы сроком на три года в концентрационном лагере.

Судя по коллекционным открыткам, эти три года Спиридон Иустинович провел на Соловках. После истечения трехлетнего срока со дня ареста, 30.04.1931 года, Калину был вынесен окончательный приговор — лишение сроком на три года права проживания в 12 населенных пунктах, а также Чите и Омске.

Автор посланий с Соловков был не единственным и, судя по срокам, не главным фигурантом дела. Вместе с ним по делу проходили два его земляка, родившиеся в Кишиневе в 1894 году: счетовод Павел Алексеевич Холодков и лицо без определенных занятий Дмитрий Георгиевич Степанов. П. Холодков, как и Калин, был осужден на три года лагерей, а Д.Г. Степанов получил по приговору 10 лет концлагеря. Видимо, ОГПУ посчитало именно его главным шпионом в этой беспартийной троице выходцев из Молда-

вии. Трудно себе представить, в пользу какого государства могли шпионить эти рядовые граждане, какими владели секретами, представлявшими интерес для иностранцев. Абсурдность множества обвинений, составленных зачастую на основании доносов, нам теперь хорошо известна. Реабилитации бывших заключенных проводились массово во второй половине XX века. Прокуратура Одесской области приняла решение о реабилитации всех троих 17.04.1998 года, когда никого из них уже не было в живых.

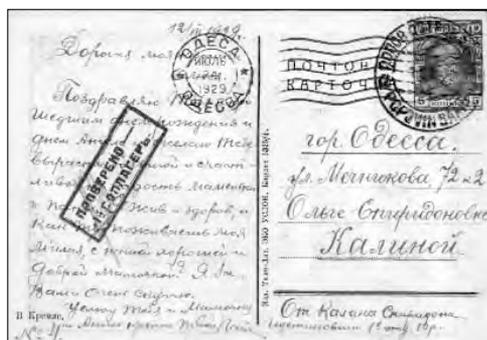
Вернемся к текстам соловецких открыток, регулярно отправлявшихся заключенным С.И. Калиным, отбывавшим наказание по приговору ОГПУ в СЛОНе.

Письма дочери пронумерованы от № 1 до № 21, но некоторые номера в нашей коллекции пропущены. Самая ранняя дата написания письма — 14.06.1929 года, через десять месяцев после вынесения приговора, самая поздняя — 20.08.1930 года, за семь месяцев до окончательного приговора, определившего поселение.

Мы не можем установить, как долго заключенный Калинин добирался из Одессы на Соловки, но прохождение посылаемых им открыток нетрудно проследить по почтовым штемпелям на них и датам, поставленным заключенным счетоводом.

Рассмотрим уникальные по своей редкости почтовые штемпеля на открытках. Дата написания письма отличалась от даты отправки, читаемой на почтовом штемпеле, на 10-12 дней. За это время почтовое отправление подвергалось цензурной проверке: на всех открытках поперек текста стоит штамп: "Проверено — 1-й Соллагерь" и "Проверено — УСЛОН". Кроме того, почта находилась на материке, в городе Кемь, названном А.И. Солженицыным "воротами Соловков", и "на унылом, без дерева, без кустика, Попов острове, соединенном дамбой с материком". Через Кемперпункт проходили все заключенные, направлявшиеся на Соловки, и единицы, которым, как Осипу Бразу, удалось оттуда выбраться. Как писал в воспоминаниях академик Д. Лихачев, сосланный, как и Калинин, по абсурдному обвинению на Соловки, в Кемь кончалась "власть советская" и начиналась "власть соловецкая".

На штемпеле отправления открытых писем заключенного Калинина 1929 года читаются слова: "Попов остров" на русском и финском языках: "Povon saari". Штемпели писем 1930 года несколько изменены: "Кемь. АКССР" (Автономная Карельская советская социалистическая республика в составе Российской Федерации существовала с 1923 года) и "Kemin" по-фински.

Проверено. 1-й соллагерь. Попов остров

Проверено. УСЛОН. Попов остров

Штамп Кемь

зевцкое географическое понятие — Муксалма. Это один из малых Соловецких островов, соединенный с основным дамбой. Известно, что на Муксалму ссылали провинившихся монахов, затем, как в карцер, узников СЛОНа.

В центре штемпелей — дата отправления, сверив ее с одесским почтовым штемпелем, мы узнаем, что открытки с Белого моря добирались до жемчужины на Черном море, Одессы, за 7-8 дней.

Тексты коллекционных открыток, посылавшихся Спиридоном Иустиновичем с Соловков, свидетельствуют об образованности отправителя. Кроме того, у него прекрасный четкий, легко читающийся почерк. Тщательность и аккуратность в нумерации посланий и датах отправки выдает бухгалтера-счетовода. Видимо, до революции он получил соответствующее образование и занимался коммерцией вместе с братом Фомой Иустиновичем, жившим в Одессе на Новосельского, 43. В нашей коллекции есть открытка с текстом на молдавском или румынском языке, посланная ему из родного Кишинева деловым партнером.

Летом 1930 года заключенный Калин был переведен из I отделения в IV, что видно из его обратного адреса. В адресе указано еще одно соло-

Заброшенное здание тюрьмы на Муксалме, которое мы как экскурсанты увидели в 1980 году, все еще вызывало ужас и создавало ощущение полной беспомощности, незащищенности и безысходности. Толстые стены, мощные, не разрушенные временем решетки, обшитые металлом двери с пудовыми амбарными замками заставляли думать, что выбраться из этой тюрьмы невозможно.

Что делал на Муксалме заключенный Калинин, чем провинился, и на какие работы его вместе с ротой и отрядом направляли, он в своих посланиях дочке не пишет. Формат открытки был очень удобен для властей, так как позволял сообщать только скупой разрешенный текст: "Жив, здоров, скучаю..." — на большее просто не было предусмотрено места на почтовой карточке.

Однако сохранились сведения из воспоминаний заключенного СЛОН Бориса Солоневича, бежавшего в Финляндию и опубликовавшего там в 1937 году свои рассказы о Соловках: "Представьте себе работу изо дня в день, из ночи в ночь, без праздников и отдыха, на низком скалистом берегу моря. Из этого моря нужно вытаскивать и складывать в штабеля мокрые бревна, так называемые баланы. Эти баланы, добытые в лесу силами заключенных, потом идут на экспорт. И не раз где-нибудь под корой бревна иностранцы находили слова мольбы о помощи, написанные кровью рабов советской страны".

Возможно, Калинин использовали на каких-то канцелярских или кухонных работах, а не на добычании баланов. Спиридон Калинин ничего не писал об этом, в своих кратких посланиях он касался только разрешенных бытовых тем. Но даже самые простые слова в его открытках пропитаны глубокой тоской по такому далекому родному дому, оставшимся там близким, особенно по дочке — "Крошке Олюсе". Можно себе представить, как тяжело человеку, насильственно вырванному из благополучной крепкой семьи и оказавшемуся в тяжелых условиях. Ясно, что привыкшему к умственному труду счетоводу нелегко было в 45-47 лет заниматься изо дня в день изнурительным физическим трудом в суровых условиях Севера.

Из текстов понятно, что жена посылала Спиридону Иустиновичу продуктовые посылки и деньги, за что он постоянно благодарил ее. Дарье Мефодьевне Калиной адресована только одна коллекционная открытка, написанная в июле 1929 года. Видимо, она жаловалась мужу в письме, что ей приходится нелегко в разлуке с ним. Соловецкий узник отвечает, что "нам всем очень трудно живется в разлуке, но ничего не поделаешь, будем терпеть, авось настанут лучшие дни".

Никаких подробностей о тяготах лагерной жизни он написать не мог, да, наверное, и не хотел волновать близких, только постоянно просил жену и дочь беречь себя и заботиться друг о друге.

О дальнейшей судьбе заключенного Калина мы ничего не знаем. Как жилось ему в ссылке, и где он ее отбывал? Смогли ли и захотели ли приехать к нему горячо любимые жена и дочь? То, что он перестал посылать открытки, могло означать только то, что запас их на Соловках закончился в связи с ликвидацией типографии. В дальнейшем, да и ранее, заключенный мог писать письма, а они далеко не всегда сохранялись родственниками. В этом случае иллюстрированные открытки имели преимущество.

Остальные коллекционные иллюстрированные соловецкие открытки не подписаны заключенными. Однако все они, созданные усилиями талантливых людей, оказавшихся в этом суровом и прекрасном краю не по своей воле, навсегда останутся документальными свидетельствами не только красот северного края и старинной архитектуры, но и деяний молодого советского государства, где не ценилась человеческая жизнь, и грандиозные проекты осуществлялись за счет непосильного труда тысяч заключенных.

Как любые подписанные вручную открытые письма, послания узников СЛОНа Спиридона Калина и других, неизвестных нам, сыграли и свою привычную роль, predeterminedенную им двадцатым веком, — передавали весть от сердца к сердцу.

